

А. В. Романович-Славатинский

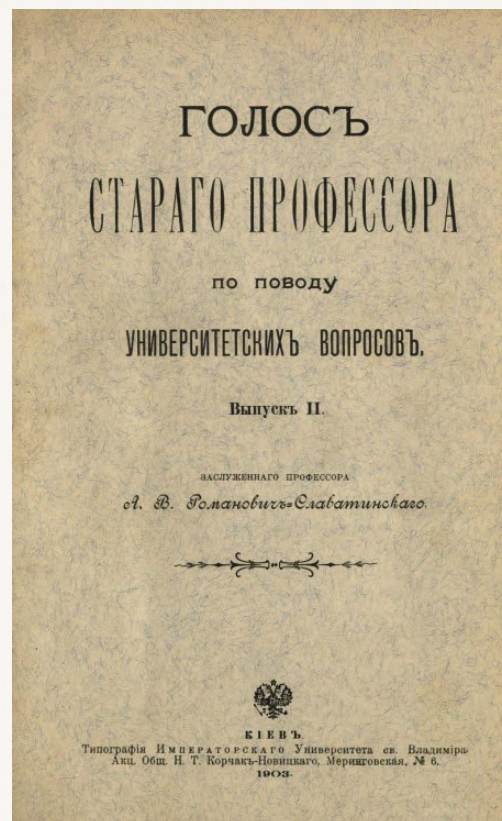
ГОЛОС СТАРОГО ПРОФЕССОРА ПО ПОВОДУ УНИВЕРСИТЕТСКИХ ВОПРОСОВ¹

Университет или политехникум

Об университетском вопросе было много говорено и писано в прошлом году, но покуда вопрос этот не только не разрешен, но, можно сказать, еще более осложнен и запутан. Нарисована только яркими красками картина недостатков существующего режима. Какое впечатление эта картина может произвести на умы студентов? Необходимо найти выход из такого запутанного положения вещей, — выход, который мог бы спасти русские университеты, переживающие теперь такую тяжкую годину. А было время, когда этими университетами могла гордиться Россия: университеты создали русскую науку, дали России сотни просвещенных граждан, проникнутых горячим патриотизмом. Эта золотая пора для русских университетов миновала, и теперь раздаются голоса, что нам нужны не университеты, а прикладные школы — политехникумы. Действительно ли просветительная и культурная роль этих последних может заменить собой прежнюю миссию университета? Позволим себе усомниться. Думающие так, забывают основную природу университетов, великая культурная миссия которых не может быть заменена никаким политехникумом. Так, по крайней мере, смотрят на это дело правительства Западной Европы, которые, конечно, не менее нас заботятся о развитии технического образования.

Кто бывал в последнее время в Западной Европе, тот не мог не заметить, с какой заботливостью и вниманием правительства относятся к своим университетам. Они как будто соревнуются друг перед другом в наиболее роскошной и широкой постановке их. Они затрачивают громадные суммы для возведения дворцов, достойных поместить в себе храм науки, они не останавливаются перед затратами на библиотеки, лаборатории, коллекции, кабинеты, соответствующие требованиям современной науки.

Я помню убогий Пьемонтский университет в Турине, который я обозревал в 1861 г. и который заменен теперь роскошными зданиями университетских учреждений, занимающих громадную площадь и стоивших скудной финансами Италии

¹ Романович-Славатинский А. В. Голос старого профессора по поводу университетских вопросов. К. : Тип. Императорского университета Св. Владимира, 1903. С. 20—42. Продолжение. Начало см.: Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2020. № 10.

огромных затрат. Сравните старинное здание прежнего Венского университета с блестящим дворцом теперешнего... А что сделала Германия для Страсбургского университета, который в настоящее время может соперничать с университетом Берлинским! Для маленькой Швейцарии университетский вопрос — один из важнейших государственных вопросов, и на сооружение университетов затрачиваются громадные суммы: припомните университет в Цюрихе; сравните постройки теперешнего Женевского университета, доминирующего над Plain-palais, со старой Женевской академией, в которой и мне в молодые годы приходилось слушать лекции Амиеля и Карла Фохта. А Лозанна? Она, по-видимому, желает затмить своим университетом Цюрих и Женеву. С таким вниманием к университетам мирится и заботливость о политехникумах, на учреждения и развитие которых затрачиваются также громадные суммы.

Но правительства Западной Европы не думают, что современные общества более нуждаются в прикладной школе, чем в университете. Они далеки от мысли, что в настоящее время должен преобладать политехникум, затмевающий собой просветительскую роль университета. Они понимают, что в наш век наплыва утилитарных и материалистических идей университет является еще более нужным, чем в прежнее время: в нем — протест против господства этих идей. Университет — это синтез современной науки, это — убежище вековых мировых идей, это — крепость, под защитой которой укрываются уцелевшие обломки прежних идеалистических воззрений. Политехникум, это — ремесло, это — насущный хлеб текущего дня. Правда, хлеб этот необходим, но и о едином ли хлебе жив будет человек.

У нас, к сожалению, это дело поставлено иначе. Наше время — время увлечения прикладными науками и политехникумами. Это можно объяснить отчасти новостью дела: на эту важную часть прежде обращали мало внимания, и техническое образование у нас было весьма скудно; во-вторых, это можно объяснить тем, что дело это попало в руки широкого и даровитого государственного человека, нынешнего министра финансов, не останавливающегося ни перед какими средствами для осуществления идеи, которую он считает полезной для русского государства. Имя С. Ю. Витте займет почетную страницу в истории русской прикладной науки. Заведываемые им политехникумы так роскошно обставлены, на сооружение их посыпалось столько золота, что убогие русские университеты не могут не завидовать счастливой доле своих меньших братьев. Университетские бюджеты так тощи, что их едва хватает на удовлетворение самых насущных потребностей. Сердце заболит у русского человека, помнящего заслуги родного университета, когда он сравнит блестящие роскошью дворцы политехникумов с убогими приютами современного русского университета.

Университетские здания сооружались давно, приспособляясь к прежним требованиям науки, к прежнему ограниченному числу студентов. Но условия науки изменились, прежние сотни слушателей превратились в тысячи, а здания какого-нибудь Казанского или Харьковского университета сохраняют свой давний вид, какой они имели и в начале прошлого века. В Московском университете трудно найти аудиторию, в которой могло бы поместиться теперешнее число слушателей. Созданное строительным гением императора Николая I помещение университета св. Владимира в Киеве — одно из лучших. Но и оно не удовлетво-

ряет потребностям времени: число аудиторий не соответствует числу студентов, а главное — в нем нет помещения для библиотеки, одной из лучших университетских библиотек, в которой хранятся такие драгоценности, как автограф Борка, преподнесшего польскому королю Станиславу-Августу свои размышления о французской революции. За недостатком места книги пылятся в университетских коридорах: пожертвованную вдовой генерал-губернатора Бибикова богатую коллекцию книг и журналов, относящихся к первой четверти прошлого века, негде поместить. Нельзя не бояться за сохранность драгоценной библиотеки университета св. Владимира, для которой необходимо отдельное огнеупорное здание. Правление не раз ходатайствовало об этом, но ходатайства эти за недостатком средств оставались безуспешными, а между тем, уменьшив расходы на лепные работы и паркетные полы политехникумов, можно было бы сэкономить сумму, достаточную для сооружения здания библиотеки университета св. Владимира, в котором могли бы лучше сохраниться ее книжные драгоценности. Не блестяще положение и других университетских учреждений. В майском заседании Совета университета св. Владимира мы слышали от одного из директоров химической лаборатории, что в ее стенах образовались трещины, в которые врывается сквозняк, а полы не лучше киевских тротуаров, по которым трудно ходить, не спотыкаясь.

Таков внешний вид русского университета в сравнении с роскошью и блеском политехникума. Этому внешнему виду соответствует и внутреннее состояние: падение уровня профессорского сословия. Падение это особенно заметно в факультетах юридическом и филологическом, но сказывается оно, как говорят, и в медицинском: где теперь наши Неволыны и Мейеры, наши Грановские и Соловьевы, наши Захарыны и Караваевы? Ослабела и забота о подготовке к профессорским кафедрам: где теперь школа Сперанского и Дерптского профессорского института, основанного по мысли академика Паррота и давшего России Пирогова и Иноземцева? Где теперь та систематическая забота о посылке талантливой молодежи за границу для подготовки к профессуре, которой так отличались министры Уваров и Головнин.

В настоящее время факультетам нередко приходится вести продолжительную переписку, настойчиво ходатайствуя о посылке за границу одного или двух талантливых кандидатов для подготовки к замещению кафедр. Обвинять министерство в небрежном отношении к такому важному делу нельзя: в его тощем бюджете на это полагаются весьма ограниченные средства. Предварительный стипендиатский стаж не может служить коррективом: число стипендий не соответствует числу заслуживающих их вследствие того же недостатка средств. Между тем кафедры пустеют: старые профессора уходят, а молодых нет. Преподавание переходит в руки молодых неопытных приват-доцентов, которым едва ли впору читать общий систематический курс. Упадку уровня профессорского персонала соответствует понижение умственного и нравственного уровня студентов. В этом виноваты отчасти общие причины и тенденции века, отчасти и средняя школа, созданная по рецепту «Московских ведомостей» и умерщвляющая любознательность и жажду знания.

В университет стали поступать диплома ради, и сообразно тому установились печальные отношения студента к университетской науке. Беспорядочный и нерациональный способ производства университетских экзаменов, а особенно

испытательных комиссий, еще более понизил научную подготовку русских студентов. Но хуже всего то, что русское студенчество представляет собой нестройную толпу разьединенных единиц небольших кружков и партий, не связанных в единое гармоническое тело единой солидарной идеей любви к науке и уважения к университету. Объединить и организовать эту толпу — важнейший вопрос для правильного устройства университета. Мы хорошо знаем, что успешное разрешение этого вопроса — одна из самых трудных задач, мы знаем, что весьма трудно создать регламентацией то, что вырабатывается самой жизнью, что взмахом пера невозможно восстановить то, что разрушалось долгое время.

Припомним страницу из мемуаров Пирогова, в которой он рисует привольное житье московских студентов 1824 г., обитавших в десятом номере университетского интерната. Какие оригинальные типы! Какое самоотверженное отношение к науке! А между тем тогда не было ни студенческой формы, ни педелей, ни субинспекторов. Должность инспектора студентов поочередно исполняли сами профессора, а попечителя кн. Оболенского видели только раз в год на университетском акте. С 1825 г., — утверждает Пирогов, — началась регламентация университета и студенческой жизни: появляются малиновые студенческие воротники, появляются педеля, субинспектор, инспектор, а попечителя кн. Оболенского заменяет генерал Писарев, позволяющий себе говорить дерзости такому ученому, как знаменитый Лодер, защитником которого является прусский король, написавший о нем письмо императору Николаю.

Повторяем, организация расшатанной университетской толпы — дело нелегкое, но едва ли можно обойти его, создавая правильную и целесообразную организацию университета. Припомним мудрые слова нашего Пирогова, с которым не мешает считаться при обсуждении университетских вопросов. На странице 360-й I тома своих сочинений он говорит: «Да, корпоративное устройство студенчества — важное дело в отношении порядка и благочиния. В этом я достаточно убедился в бытность мою в Дерпте учащимся и профессором. С неорганизованной, беспорядочной и разношерстной толпой молодых людей ничего не поделаешь. По-моему, просто безумие со стороны начальников разглагольствовать с собравшейся толпой студентов. Это значит вести и себя, и молодежь в беду без всякой пользы для общего дела. Учреждение корпораций в наших русских университетах по образцу Дерптского, конечно, нелегко. В Дерпте, как и в германских университетах, корпоративное дело есть дело традиционное. А у нас нет для него почвы. Но тем не менее, пока в наших университетах не придумают учредить тем или другим способом студенческое представительство, правильно организованное, пусть университетское начальство не рассчитывает на свое влияние и воздействие на учащуюся молодежь. Тогда ничего не остается иного, как начальство университета, профессора, ректоры — сами по себе, а студенты — сами по себе, а для порядка и благочиния — городская полиция. Это неминуемо. Но нравственно-научное значение университета многое утратит».

Мы хорошо понимаем необходимость для России технического образования и радуемся, что это важное дело находится в руках такого предприимчивого и талантливого государственного человека, как нынешний министр финансов, но, радуясь этому от всей души, мы не можем не скорбеть, что забываются интересы наших университетов, низводимых на второй план. Блестящее прошлое этих

университетов, заслуги их пред русскою землею дают им право на уважение и внимание. Этого требует достоинство нашего могучего государства, это соответствует истинным интересам великого русского народа. Правда, университеты переживают теперь смутное время, но правительство должно помочь поскорее выйти из этой смуты. Этому, конечно, в значительной степени может содействовать более правильное устройство русского университета. Университет должен быть освобожден от зависимости, излишне стесняющей его развитие и самостоятельность мелочною регламентацией: университет должен превратиться в свободную академическую общину, члены которой — профессора и студенты — сольются в единое гармоническое целое, одухотворенное великою идеей служения русской земле и ее Государю.

Почему неудовлетворительна подготовка юристов?

Недостаточная научная подготовка студентов юридического факультета сделалась предметом обсуждения наших газет. Поводом к этому послужила статья В. Ф. Дерюжинского в сентябрьской книжке «Журнала Министерства юстиции». В этой статье сведены мнения судебных сановников о причинах крайней неподготовленности питомцев юридических факультетов и в общих чертах указаны способы для ее устройства. В большинстве случаев указания эти весьма правильны и делают честь нашей высшей магистратуре. К ее голосу я позволю себе присоединить и свой — голос профессора, около полувека занимающего кафедру в юридическом факультете и долгое время бывшего его деканом. Пред моими глазами прошло немало университетских поколений, сменилось немало университетских порядков, и я, таким образом, мог иметь достаточно времени и поводов собрать массу наблюдений, имеющих отношение к поставленному вопросу. Вопрос этот поистине заслуживает внимания общественного мнения и властей, в руках которых постановка нашего учебного дела.

Считаю нужным оговориться: речь моя будет касаться массы, большинства студентов-юристов, среди которых найдется немало отрядных исключений по своему высокому развитию и строгой научной подготовке. Они, конечно, не заслуживают того укора, которого, к крайнему сожалению, вполне заслужило большинство их товарищей. Несомненно, научная подготовка этих последних с каждым годом более и более понижалась под влиянием двух главных факторов: гимназического устава 1872 г., так умалившего преподавание гуманитарных наук в средней школе, и университетского устава 1884 г., так старавшегося привить к юридическому факультету узкое профессионально-утилитарное направление. По крайнему моему разумению, оба фактора имели роковое влияние на дух и направление питомцев юридического факультета. Из гимназии 1872 г. не выносилось почти никаких сведений ни по истории, ни по литературе — двум основным наукам, составляющим главный фонд образованного человека. Отсутствие сведений, например, в отечественной истории было поразительно. Экзаменуя по истории русского права студентов, переходящих со 2-го на 3-й курс, мне приходилось иногда замечать, что некоторые из них не могут в последовательном порядке назвать русских государей XVIII века. Еще скуднее были сведения

по истории общей и по литературе: окончивший с дипломом первой степени не всегда мог объяснить значение, например, крестовых походов, а по части литературы не только не мог отличить Расина от Мольера, но и Державина от Ломоносова. Факты маловероятные, но к сожалению, несомненные. Я даже однажды предложил факультету довести до сведения попечителя округа о таких скудных познаниях учеников гимназий в важнейших образовательных предметах.

Эта скудность сведений, вынесенная из средней школы, не могла быть пополнена университетскими курсами по программам 1884 г.: такие образовательные предметы, как государственное право, как история философии права, были едва терпимы: такой назидательный для ума предмет, как история иностранных законодательств, был вовсе упразднен. Неудивительно, что диплом первой степени нередко доставался человеку малообразованному. Между прочим, значение гуманитарных наук, как справедливо указал министр юстиции, весьма велико, и едва ли без знакомства с ними можно быть образованным юристом.

До Устава 1812 г. юристы в университете св. Владимира слушали полные курсы по истории литературы и философии, несмотря на то, что уваровская гимназия была богаче гуманитарной наукой. Припоминаю многих питомцев этого отдаленного времени — этих Поярковых, Ильяшенко, Коломийцевых, Боделевских и т.д. Какие развитые, высокопросвещенные, и сколько света и правды вносили они в темное царство дореформенного суда! Своим широким развитием, своим просвещенным умом они, смею думать, были обязаны не одному изучению чисто юридических дисциплин, но и лекциям таких профессоров, как Максимович или Новицкий.

Устав 1842 г., упразднив некоторые неюридические курсы, оставил все-таки обязательным для юристов слушание русской истории и истории русской литературы. Я сам слушал эти предметы и могу удостоверить, что лекции таких профессоров, как Павлов или Селин, имели несомненно сильное образовательное влияние на аудиторию. Устав 1863 г. упразднил обязательность этих предметов для юристов, но зато в состав юридических предметов он выдвинул некоторые кафедры, несомненно, имевшие образовательное значение: он расширил преподавание государственного права, придал истории философии права подобающее ей значение: он образовал новые кафедры: истории русского права, законодательств славянских и иностранных и права церковного. Эти новые кафедры в достаточной степени вознаграждали за отмену курсов русской истории и истории русской литературы и были значительным коррективом недостатков гимназического курса.

Юридическая школа по Уставу 1863 г. была полна и содержательна: из нее вышли деятели судебной реформы, благородные имена которых не будут забыты Россией. Не слышалось тогда укоров в недостаточной научной подготовке юристов. А теперь эти укоры не прекращаются, и как ни больно нам, наставникам, слышать укоры эти, — даже в грамматических ошибках, — мы не можем не сказать, что они заслуженны. Да и какую научную подготовку могли выносить юристы из школы, установленной Уставом 1884 г., при той нерациональной системе экзаменов, которая практикуется в факультете? Устав 1884 г. из всех предметов, преподаваемых в юридическом факультете, выделил несколько предметов, сделав их главными. Это именно догматические предметы: римское право, гражданское

и уголовное. Эти предметы составляют главное содержание экзаменов испытательных комиссий. От успеха в них зависят первая или вторая степени. Знание других юридических предметов не принимается вовсе во внимание: это предметы домашние, факультетские, нужные только для перевода с курса на курс. Все внимание студентов, естественно, обращено на изучение главных предметов, за которые им даются степени; все же другие ими игнорируются; лекций по этим предметам они почти что не слушают, довольствуясь поверхностным ознакомлением с ними ради переводных экзаменов. Эти же переводные экзамены массами и оптом не дают никакой возможности экзаменаторам проверить сведения экзаменуемых: отметки ставятся случайно, второпях, и переход с одного курса на другой нередко совершается вследствие усиленных просьб.

Эта массовая система факультетских экзаменов оптом — одна из главных причин низкого уровня научной подготовки юристов. В газете «Россия» я более подробно говорил об этой курсовой системе экзаменов, предлагая заменить ее системой экзамена предметного, заменив экзамен оптом экзаменом в розницу. Продолжаю думать, что при предстоящем пересмотре университетских порядков на этот пункт следует обратить серьезное внимание, установив систему экзаменов более правильную и целесообразную. Что же касается испытательных комиссий, то можно только удивляться, что такое учреждение, всеми порицаемое, все-таки держится. Будем надеяться, что эта попытка контроля над университетскою наукой при новом порядке вещей будет отменена вместе со многими другими красотами Устава 1884 г.

Таким образом, подъем научной подготовки юристов может быть достигнут радикальным преобразованием гимназической системы 1872 г. и Университетского устава 1881 г. Относительно гимназии следовало бы возвратиться к уваровской гуманитарной гимназии, а относительно факультета следует возвратиться к Уставу 1863 г. Отмененные кафедры должны быть восстановлены, объем преподавания таких общеобразовательных предметов, как государственное право и история философии права, должен быть также расширен, и все факультетские предметы должны считаться одинаково важными и обязательными, приниматься в расчет при назначении степеней. Экзамены по всем факультетским наукам должны всецело принадлежать факультету и производиться по системе предметной, а не курсовой. Ни к чему не ведущие испытательные комиссии должны быть упразднены. Обязательные письменные работы должны быть также восстановлены, а вместе с ними и диссертации на степень кандидата с прежним коллоквиумом. Знакомство с одним из новых языков должно быть не номинальное, а действительное.

Полагаю, что все эти условия возвращения к порядку 1863 г., отмененного в 1881 г., поднимут уровень научной подготовки юристов, и мы более не будем слышать тех укоров, которые так часто и так справедливо раздаются теперь.

*Материал предоставлен и подготовлен к публикации
цифровой академической библиотекой «Автограф»
URL: <http://avtograf-library.ru>*